

О приготовленном учителем Лян целебном рисовом отваре от кашля Хэ И напрочь позабыл.

Зато у Хэ Яньчжэня память оказалась отменной. Как только Хэ И закончили ставить капельницу, зазвонил телефон — это Пэн Хай решил узнать, как дела. Яньчжэнь без лишних слов перехватил трубку, велел другу оформить для больного отгул, а самого Хэ И решительно увёз к себе домой.

Хэ И, разумеется, пытался сопротивляться. Он ведь специально взял освобождение от занятий, чтобы не подхватить этот проклятый грипп, а теперь, когда дело дошло до капельницы, ему тем более следовало держаться от Яньчжэня подальше.

Но Яньчжэнь тут же разыграл свой главный козырь — авторитет матери:

— Это мама велела отвезти тебя к нам, не веришь — сам у неё спроси. Я и в больницу-то приехал только по её указке.

Хэ И промолчал.

— Она ещё наказала нашей помощнице подогреть для тебя целебный отвар, чтобы ты выпил его сразу, как приедем, — добавил Яньчжэнь.

Сообразив, что прикрываться именем матери на редкость удобно, Яньчжэнь окончательно осмелел. Стоило Хэ И подняться с койки, как парень услужливо накинул на него свой собственный пуховик.

— И ещё мама сказала...

— Твоя мама уж точно не просила, чтобы я расхаживал в твоих вещах, — Хэ И и злился, и смеялся одновременно. Он указал на стул рядом: — Ты же принёс моё пальто? Вот его я и надену.

Яньчжэнь и правда прихватил его шерстяное пальто. Вот только, подержав его в руках, он понял, какое оно тяжёлое и при этом совершенно не греет — куда хуже тонкого кашемирового пальто Учителя Лян.

Вид Хэ И, одиноко лежащего под капельницей в больничной палате, вызвал у Яньчжэня щемящую жалость. Ещё на входе он мысленно обругал его сожителя по комнате.

«Тоже мне, ухажёр хренов. Если так хочется стать его парнем, мог бы хоть раз прийти и позаботиться о человеке!»

По натуре Яньчжэнь был парнем довольно беспечным, но, когда дело касалось определённых

вещей, в нём вдруг просыпалась поразительная чуткость. Не слушая возражений, он упрямо закутал Хэ И в свой объёмный пуховик и затараторил:

— Ладно, про куртку она ничего не говорила. Но она очень просила, чтобы ты поскорее поправился и продолжил заниматься со мной!

Хэ И обречённо вздохнул.

Он уступал Яньчжэню и в росте, и уж тем более в силе.

Тот бесцеремонно натянул на него куртку, наскоро застегнул пару пуговиц и, прежде чем Хэ И успел вымолвить хоть слово, подхватил его шерстяное пальто и набросил себе на плечи.

Хэ И оставалось лишь молча качать головой. Яньчжэнь запихнул его руки в рукава так неловко, что рукава свитера задрались до самых локтей, собравсь в жутко неудобные складки.

Но Яньчжэнь этого даже не заметил. Он лишь довольно ухмылялся, расхаживая перед Хэ И в его пальто, которое сидело на нём явно впитык.

— Сила есть — ума не надо, — вздохнул Хэ И, твёрдо решив в ближайшее же время обзавестись нормальным пуховиком. — И прекрати постоянно прикрываться своей матерью.

— Ладно-ладно, договорились! — легко согласился Яньчжэнь и с широкой улыбкой добавил: — Поехали домой.

Дома их ждала тётушка Чжан, которая действительно держала на кухне тёплый отвар.

Хэ И ожидал увидеть обычный сладкий суп из груши и лилии, но, когда тётушка Чжан поставила перед ним пиалу, он обомлел: на дне покачивались веточки дорогого кордицепса.

В этот момент как раз позвонила Учитель Лян, чтобы справиться о его самочувствии. Узнав, что они уже дома, она тепло произнесла в трубку:

— Этот кордицепс нам кто-то подарил. Дядя Хэ вечно в разъездах, а мы с Яньчжэнем к нему даже не прикасаемся — так и пролежал бы без дела целый год. Так что пей и не вздумай стесняться, чувствуй себя как дома.

Хэ И хотел было поблагодарить её, но женщина мягко его перебила:

— Выпьешь — и сразу иди приляг. Ну или пусть Яньчжэнь тебя как-нибудь развлечёт, отвлечёшься немного. Учёба учёбой, но сейчас главное — поправиться.

Вообще-то Хэ И согласился поехать только потому, что не хотел оставлять недочитанной полуденную лекцию. После всех сегодняшних препирательств Яньчжэнь казался на удивление покладистым, и упускать такой момент было нельзя.

Кто же знал, что Учитель Лян своим звонком объявит для лоботряса полную амнистию.

Вежливо попрощавшись с ней и положив трубку, Хэ И тут же одарил притихшего парня уничтожающим взглядом.

— Быстро за стол, — он строго постучал по тетради с планом занятий. — На чём мы прервались в обед?

На удивление, простуда отступила на редкость быстро. Ещё вчера Хэ И мучился от сильного жара и лежал под капельницей, а на следующий день уже был на ногах, бодрый и полный сил. Пэн Хай, завидев его, даже округлил глаза от изумления и в шутку спросил, не раздобыл ли тот какой-то чудодейственный эликсир бессмертия.

Хэ И лишь отшутился в ответ. Проведя ещё один день в общежитии для верности, он засел за телефон и заказал себе тёплый пуховик. С тех пор как он начал заниматься репетиторством, финансовые трудности перестали его душить — каждую неделю на его карту капала весьма солидная по студенческим меркам сумма.

Эти деньги незаметно меняли и его самого. Если прежде за его вежливой и непринуждённой манерой общения скрывалась вынужденная гордость — шаткая маска, призванная уберечь уязвимое самолюбие, — то теперь он наконец-то почувствовал себя на равных с остальными. Пропасть в достатке больше не давила на него тяжким грузом.

Перемены в настроении благотворно сказались на атмосфере в комнате. Отношения с соседями быстро потеплели, превратившись в настоящую, крепкую студенческую дружбу без недомолвок.

Но ещё заметнее изменилось его общение с Хэ Яньчжэнем.

Хэ И и сам не мог уловить тот переломный момент. Казалось, после той крупной ссоры между ними растаял какой-то невидимый лёд, и они стали гораздо ближе. К тому же Яньчжэнь свято держал слово: на уроках больше не витал в облаках и усердно занимался.

Видя это, Хэ И испытывал глубокое удовлетворение. Опасаясь перехвалить ученика, он редко делал ему комплименты, хотя в глубине души признавал: способностями Яньчжэнь его явно превосходит. Труднее всего парню давалась математика. Чтобы разжевать для него сложные, комплексные задачи, Хэ И часами просиживал над методиками, но Яньчжэнь на удивление

легко схватывал самую суть.

Беда была лишь в одном — огромных пробелах в базовой программе.

Не понимая, как такое возможно при его уме, Хэ И как-то раз расспросил его о прежней учёбе. И тут выяснилось, что весь десятый класс Яньчжэнь практически валял дурака и на уроках не слушал ни слова.

— Да у нас математик был просто невыносим! — с лицом, полным искреннего отвращения, жаловался Яньчжэнь. — Жирный, уродливый, да ещё и зудел без конца. Психическое нездоровье в чистом виде, как говорил Лу Синь.

— Что за нездоровье? — не понял Хэ И.

— «Мозговое недомогание». У Лу Синя в рассказе так написано, мол, с головой не всё в порядке.

Хэ И только улыбнулся каламбуру.

Тот учитель действительно знал свой предмет, но вот человеком был на редкость гнилым. Ему доставляло особое удовольствие унижать учеников, а его любимой мишенью всегда становились девочки.

Бедным девчонкам доставалось от него на каждом уроке. Этот тип не упускал случая выдать очередную сексистскую глупость: то заявлял, что женский мозг в принципе не способен к точным наукам, то обвинял школьниц в распущенности за малейшую деталь в одежде, утверждая, будто их мысли заняты только глупостями.

Разумеется, это было лишь мягкое изложение от Яньчжэня — цитировать грязные и оскорбительные нападки учителя у него просто язык не поворачивался.

Как-то раз он довёл одну из учениц до истерики. Возмущённые родители примчались разбираться к руководству школы, но дело замяли, ограничившись устным выговором. Учитель числился в штате, уволить его из государственного учреждения было делом непростым, к тому же он давал отличные показатели по экзаменам. Самое омерзительное, что многие другие родители встали на сторону преподавателя, посчитав, что дыма без огня не бывает и виновата сама девочка.

— Скандал тогда знатный разгорелся, меня даже вызвали свидетелем, — рассказывал Яньчжэнь. — Администрация, конечно, твердила, будто учитель не хотел ничего плохого, а дети просто слишком ранимые. Но отец той девчонки оказался не промах, пошёл на принцип и заставил этого мерзавца извиниться перед всем классом.

Чтобы уберечь дочь от дальнейшей травли, родители в итоге перевели её в параллельный класс. А вот Яньчжэнь, выступивший против преподавателя, мгновенно превратился для того во врага номер один.

— А твоя мама знала об этом? — тихо спросил Хэ И, искренне увлечённый рассказом.

— Да бог с тобой, откуда! — фыркнул Яньчжэнь. — Знай она об этом, разнесла бы кабинет директора в щепки. Мамин гнев — штука страшная, связываться никто не рискнёт. Сама ведь педагог, а спуску коллегам никогда не давала. Помню, в начальной школе меня донимал один тип, а классрук закрывал на это глаза. Так мама пришла на родительское собрание с мегафоном и устроила такой разнос, что бедная учительница разрыдалась прямо перед всеми... Даже директору пришлось вмешаться.

Хэ И приоткрыл рот от удивления, его глаза округлились. Ему было чертовски трудно сопоставить образ изысканного и утончённого Учителя Лян с разъярённой женщиной, штурмующей школу с рупором наперевес.

Яньчжэнь впервые видел Хэ И таким растерянным. В этих широко распахнутых глазах мелькнуло что-то по-детски трогательное, и парень поймал себя на том, что засмотрелся на его лицо.

Но Хэ И уже думал о своём. Он опустил ресницы и тихо спросил:

— Неужели тебя кто-то мог обидеть?

— А то как же, — пожал плечами Яньчжэнь. — В детстве я был мелким и, честно говоря, слишком смазливый. Один парень из параллельного класса, постарше меня, взъелся ни с того ни с сего. Семья у него была влиятельная, богатая, учителя перед ними на цыпочках ходили. Но стоило моей маме взяться за дело, как его родители сами поспешили перевести сыночка в другую школу.

— Неужели так испугались её гнева?

— Скорее, её связей в прессе и острого пера, — Яньчжэнь усмехнулся, но тут же скромно кашлянул: — Ну, или просто совпало так.

Хэ И невольно улыбнулся в ответ, чувствуя, как в груди поднимается волна горькой, щемящей зависти.

Его собственное детство было совсем другим. Семья едва сводила концы с концами, и мальчику сполна пришлось испытать чашу детской жестокости. Ровесники не ведали жалости: они без стеснения тыкали пальцами, высмеивали его дешёвую одежду и громко, на весь двор, кричали, что Хэ И опять пришёл в рваных башмаках.

Обувь вовсе не была дырявой — просто ткань на мыске сильно протёрлась. Маленький Хэ И, опустив голову, упрямо доказывал обидчикам: «Смотрите, тут подкладка целая! Никакая это не дыра, в них ещё ходить и ходить!»

Перед остальными он держался изо всех сил, напустив на себя маску полнейшего равнодушия. Но стоило урокам закончиться, а одноклассникам разбежаться по домам, как он забивался в самый глухой угол школьного двора и беззвучно плакал.

Давать волю слезам он позволял себе только по дороге домой. Он рано понял, что дети — это сплошные заботы и траты, и меньше всего ему хотелось обременять своими жалобами и без того уставших родителей.

Вытерев слёзы у порога, он переступал его с привычной улыбкой послушного, беспроblemного сына.

Его мама не умела устраивать скандалы в кабинетах директоров, но её любовь была безгранично нежной. Однажды, случайно застав сына за оплакиванием очередной изношенной вещи, она без лишних слов отпросилась с работы и повела его на рынок за новенькими кроссовками и курткой.

А потом её не стало. И Хэ И лишился последнего источника тепла в этом холодном мире.

В старших классах открытых издёвок уже не было, но возникли другие проблемы. Хэ И ухитрился восстановить против себя классного руководителя: все его мысли были заняты исключительно подготовкой к экзаменам, он наотрез отказался от общественной работы и упорно игнорировал любые внеклассные мероприятия.

Позже, когда его приёмный отец Ми Чжунцзюнь устроил в школе безобразный скандал из-за смены фамилии, классная дама сочла себя глубоко оскорблённой. Полностью разделяя позицию отчима, она при всём классе высокомерно посоветовала Хэ И обратиться к психиатру.

Спас его тогда только завуч, который разглядел в замкнутом юноше огромный потенциал и взял его под своё крыло.

В выпускном классе, получив назначение на пост вице-директора, этот наставник пригласил Хэ И в свой новый кабинет и собственноручно вывел на свитке каллиграфическое напутствие: «Самосовершенствование и высокая мораль».

К сожалению, Хэ И не хватило баллов, чтобы поступить на престижный юридический факультет Университета А, о котором он грезил. Проходной балл там был запредельным. Чтобы не упустить шанс зацепиться за столицу, ему пришлось наступить на горло собственной мечте и подать документы на стоматологический факультет медицинского института при том же университете — туда брали на десять баллов ниже.

Поступить именно в Университет А для него было делом принципа. Во-первых, безумно хотелось утереть нос бывшему классному руководителю, а во-вторых, за поступление в столь престижный вуз местная администрация и благотворительный фонд выплачивали крупную единовременную стипендию.

Эти деньги и стали его билетом во взрослую жизнь — они полностью покрыли плату за первый год обучения.

Время умеет сглаживать острые углы, но даже сквозь призму прошедших лет эти воспоминания не приносили облегчения. Одно лишь горькое послевкусие.

Хэ И почувствовал, как на него накатывает привычная, высасывающая все силы тоска. Он отчаянно завидовал Яньчжэню, завидовал своим благополучным однокурсникам. Поразмыслив, он наконец признался себе в главном: больше всего на свете он завидовал тому, что у них у всех был настоящий, тёплый дом.

В комнате внезапно воцарилась звенящая тишина. Стих лёгкий сквозняк, застыли складки штор у окна. Хэ И сидел неподвижно, уставившись в раскрытую книгу и машинально потирая пальцами край страницы.

Он явно улетел мыслями куда-то очень далеко. Яньчжэнь уже открыл было рот, чтобы окликнуть его, но его взгляд неожиданно зацепился за изящную линию шеи Хэ И и едва заметный бугорок шейного позвонка под тонкой кожей.

В голове промелькнула странная, обезоруживающая мысль: а ведь Хэ И красив. И дело было не в правильных чертах лица или мягкости кожи — поражала сама его пластика, хрупкая гармония его тела.

Этот чётко очерченный позвонок, когда он склонял голову; острые, как крылья, лопатки, угадывающиеся под тонкой тканью рубашки; изящные ключицы, проступавшие в вырезе ворота; тонкие, сильные пальцы и хрупкие запястья...

В этот миг Яньчжэнь понял, что подсознательно любовался им уже очень давно, просто сейчас это знание наконец оформилось в его голове. Обладай он рентгеновским зрением, он наверняка рассматривал бы каждую косточку этого парня как шедевр ювелирного искусства.

— Эй, ты чего завис? — Хэ И очнулся от своих мыслей и, заметив на себе слишком пристальный, изучающий взгляд Яньчжэня, недоумённо помахал ладонью перед его лицом.

Тот вздрогнул, попытался что-то изобразить, но слова застряли в горле, а к щекам мгновенно прилил предательский румянец.

— Да так, ни разу не видел... — Яньчжэнь судорожно схватился за стакан с водой и, пытаясь сгладить неловкость, торопливо вернулся к прерванному разговору: — Короче, моя матушка — это нечто. У неё не только слог убийственный, но и характер — дай бог каждому.

Хэ И тихонько выдохнул, прогоняя остатки грусти, и с улыбкой спросил:

— И что же ещё натворила Учитель Лян?

— Да вот буквально месяц назад случай был, — Яньчжэнь сделал глоток и вытер губы тыльной стороной ладони. — Отец моего друга детства праздновал юбилей. Его супруга решила толкнуть пафосную речь перед гостями. Мама сидит, слушает и вдруг понимает, что та несёт отсебятину: приписала Цянь Чжуншу какую-то глупость, перепутала исторические факты... Короче, мама не выдержала, поднялась и при всех разнесла эту речь в пух и прах, фактически выставив хозяйку дома полной дурой.

Хэ И только покачал головой, представив эту сцену.

Яньчжэнь весело расхохотался, но вдруг осёкся, внимательно вглядываясь в лицо собеседника:

— Слушай, а ведь и правда... С чего этот придурок А-Хуан решил, что ты — это он? Вы же вообще непохожи.

Он задумчиво пробормотал ещё что-то себе под нос.

Хэ И не стал расспрашивать. Взглянув на часы и поняв, что уже поздно, он принялся складывать учебники в рюкзак.

— Ладно, на сегодня закончим. Мне пора возвращаться в общежитие.

Яньчжэню ужасно не хотелось его отпускать. Он вытянул ногу, зацепив носком перекладину стула Хэ И, и капризно протянул:

— Ну суббота же... Куда ты спешишь? Побудь ещё немного.

Хэ И на миг заколебался. По выходным он обычно допоздна засиживался в университетской библиотеке, но ради Яньчжэня вполне мог сделать исключение.

— Хочешь разобрать ещё одну тему? — он потянулся к только что закрытому учебнику.

— Какая учёба, пощади! Мама же ясно сказала — нужно отдыхать! — Яньчжэнь придвинулся ближе, заискивающе улыбаясь. — Давай лучше сыграем во что-нибудь? Я из-за твоих занятий

уже сто лет в сеть не выходил.

Идея приобщить своего строгого репетитора к миру виртуальных развлечений казалась Яньчжэню чертовски заманчивой.

Сначала он упрямо подбивал его поехать на открытый горнолыжный курорт — благо, на улице похолодало и открытые трассы уже работали. Парень обещал лично поставить его на лыжи, но Хэ И, разумеется, наотрез отказался от столь сомнительной авантюры.

Тогда в ход пошли уговоры полегче: Яньчжэнь принялся клянчить, капризничать и обещать золотые горы, лишь бы тот согласился на обычную мобильную игру. Старенький смартфон Хэ И современные требования просто не тянул, поэтому Яньчжэнь великодушно одолжил ему свой прошлогодний аппарат, предварительно зайдя под запасным аккаунтом.

Бедный Хэ И даже интерфейс толком разглядеть не успел, как его бесцеремонно затащили в самую гущу сетевого побоища.

Ничего не понимая в происходящем, он просто хаотично тыкал во все светящиеся кнопки на экране. В итоге он умудрился собрать лицом абсолютно все смертоносные заклинания противников, зато от спасительных щитов и лечения, которые пытался наложить на него Яньчжэнь, уклонялся с поразительной точностью.

О какой-либо командной игре не шло и речи.

Хэ И раз за разом бесславно погибал, и даже когда они каким-то чудом побеждали, он чувствовал себя на этом празднике жизни абсолютно лишним.

Всё изменилось пару дней назад, когда в общежитие после болезни вернулся староста Чжэнь Кайнань. Они с Пэн Хаем зависали в телефонах с утра до вечера, а Хэ И, наблюдая за их игрой со стороны, постепенно начал улавливать тактику и правила.

У обоих соседей уровень был приличный. Узнав, что Хэ И тоже пытается освоить эту игру, они с энтузиазмом взялись за его обучение: один одолжил аппарат и подсказывал прямо под руку, а второй собирал лобби и наглядно показывал, как правильно перемещаться по карте и координировать атаки.

Яньчжэнь, разумеется, обо всём этом даже не догадывался. Будучи уверенным, что Хэ И по-прежнему полный профан, он снисходительно подбодрил его при запуске матча:

— Не переживай, для новичка сливаться — это норма. Пару раз сыграешь, и всё поймёшь.

Хэ И лишь невнятно хмыкнул и вошёл в сеть. В ту же секунду иконки его соседей по комнате весело замигали зелёным, а в чат посыпались приветствия.

— Ого, а ты когда обзавестись друзьями успел? — удивился Яньчжэнь, заглянув в его экран, и поспешил отправить приглашение в группу. — Ничего себе, у одного из них ранг вообще топовый.

— Это мои соседи по комнате, — пояснил Хэ И. — Они отлично играют, обещали помочь освоиться.

Яньчжэнь на мгновение замолчал.

— Что такое? — спросил Хэ И.

— Значит... твой хахаль тоже тут, — после недолгого молчания буркнул Яньчжэнь, недовольно косясь на экран.

— Что за бред? — Хэ И искренне изумился. — Хватит выдумывать, нет у меня никакого парня.

— Ну он же так и вьётся вокруг тебя, — проворчал Яньчжэнь, но замолчал, как только оба приглашённых игрока зашли в лобби.

Хэ И весело поздоровался с друзьями в голосовом чате. В канале сразу стало шумно, но сквозь этот гул он кожей почувствовал, как рядом закипает Яньчжэнь. Не успел он обернуться, как на экране вспыхнуло уведомление: «Игрок Чжэнь Кайнань исключён из группы».

Хэ И опешил:

— Это ещё что такое?

— Раз он тебе никто, значит, и церемониться нечего, — ледяным тоном отозвался Яньчжэнь. — Меня его ник бесит, так что без обид.

Хэ И лишился дара речи.

В наушниках зашумел растерянный голос Пэн Хая, не понимающего, что произошло.

«Да откуда я-то знаю!» — мысленно взвыл Хэ И. Он отложил аппарат и уже собирался высказать Яньчжэню всё, что о нём думает, как вдруг телефон разразился громкой трелью.

На экране светилось имя старосты.

— Хэ И, — без лишних вступлений спросил тот, стоило принять вызов. — Слушай, а тот парень, который нас выкинул... это твой парень?

— Нет, конечно, — Хэ И почувствовал, как у него начинает раскалываться голова. Он отошёл к окну и вполголоса принялся объяснять: — Это мой ученик, я у него репетитором подрабатываю.

— Твой ученик? — в трубке повисла короткая пауза, после чего староста озадаченно добавил:
— Странно. Просто у вас двоих ники... парные. С намёком.

<http://bllate.org/book/19702/1960205>